

ГЛАВА 50

ПОСЛЕ

Бай Сянсин проснулся посреди волн тепла. Это было странное ощущение, он чувствовал себя словно рыба, плывущая в океанском течении. Это было непривычно, но он точно знал, что это течение принадлежит ему. Это было глубокое чувство привязанности, словно в его жизни появилось что-то очень важное.

Что это? Почему это тепло и этот аромат кажутся такими знакомыми?

- ...Ши Чжэнь, сукин сын, будь нежнее!

Этот крик всплыл в его воспоминаниях и разбудил Бай Сянсина, развеяв томную сонливость, вызванную теплым комфортом во всем его теле, и он резко сел на кровати.

- Ах!, - как только он приподнялся, сильная боль в пояснице чуть не заставила его снова упасть:
- Ши Чжэнь, я убью тебя!

В этот момент Ши Чжэнь, который хотел подойти, увидев, что Бай Сянсин проснулся, внезапно замер. Его и без того полное паники лицо мгновенно посерело.

Что он наделал?!

Ши Чжэнь отчётливо помнил, как отпустил Бай Сянсина, прежде чем окончательно лишился рассудка. Но когда он пришёл в себя, Бай Сянсин снова оказался рядом с ним. Они оба были переплетены в крайне постыдной и интимной позе, их смешавшиеся феромоны пульсировали в их телах, принося неопишное удовольствие. Всплеск эмоций ещё не утих после мощной сексуальной разрядки, пробегая остаточной дрожью по всему телу. С первого взгляда Ши Чжэнь понял, что они завершили свою связь, во всех отношениях.

В тот момент Ши Чжэнь не знал, что он ощущает сильнее - упоительную радость или холодящий ужас. Когда он добровольно впал в гон, Ши Чжэнь осознал свои чувства. Он влюбился в Бай Сянсина. Как альфа, он должен был бы быть очень счастлив после того, как он смог связать себя узами и обладать понравившимся ему омегой, но этим человеком был Бай Сянсин, который омегой рожден не был. Ши Чжэнь знал, что ментально Бай Сянсин не идентифицирует себя омегой, и насколько ему может быть противно всё это. Какую психологическую боль могло всё это принести Бай Сянсину? И этого Ши Чжэнь боялся больше всего.

Протрезвев, Ши Чжэнь молча остался рядом с Бай Сянсином, чувствуя себя беспокойно и неуютно. Он размышлял о том, что почувствует Бай Сянсин, когда проснётся и обнаружит на себе его метку. Разозлится, придёт в ярость, захочет прикончить его? Он примет всё, если он

действительно бросился за Бай Сянсином и силой вернул его.

Но что, если Бай Сянсин вернулся сам? Ши Чжэнь посмотрел на дверь комнаты, она была целой, без каких-либо следов повреждений. В тот момент он потерял рассудок. И если бы он захотел выбежать и схватить Бай Сянсина, он бы просто снес её с петель.

Одна только мысль об этом заставила Ши Чжэня не сдерживать волнения. Таким образом, человек, без страха принимавший решения на поле боя, разрывался между тревогой, чувством вины, страхом и радостью, молча ожидая, когда Бай Сянсин проснётся и вынесет ему окончательный вердикт. И когда Бай Сянсин наконец проснулся, первое, что он сказал, было смертным приговором Ши Чжэню.

Ши Чжэнь застыл на месте, не в силах сделать и шага, словно вся кровь в его теле в этот момент заледенела. Глубокое чувство бессилия и печали охватило его, превратившись в горькую улыбку в уголках губ.

С другой стороны, Бай Сянсин наконец-то пришёл в себя, чувствуя себя так будто по нему проехали катком. Несмотря на то, что ему было крайне неудобно, ему всё равно нужно было срочно принять ванну. Он весь пропах потом и его дико бесило хлюпанье липкой субстанции, заполнившей всё пространство у него между ног. Поэтому он должен был срочно добраться до ванной, даже если ему придётся туда ползти. Он не смог удержаться от мысленных проклятий: «Эта псина, Ши Чжэнь, действительно вообще не знает, как ухаживать за омегами. Этот ублюдок, даже не помог мне принять ванну, а вместо этого он, как последний подонок, «справил свою нужду», после чего встал, отрехнулся и ушёл, оставив меня в таком состоянии. Бесит!»

Бай Сянсин стиснул зубы, приподняв одеяло одной рукой и опираясь на него другой. Как только он собрался встать с кровати, он поднял голову и встретил печальную улыбку Ши Чжэня.

Бай Сянсин замер, как и Ши Чжэнь. Затем они оба одновременно опустили взгляд. Опустив глаза Бай Сянсин увидел, что сидит на кровати совершенно обнаженный.

- Закрой свои чёртовы глаза!, - взревел Бай Сянсин, плотно закутываясь в одеяло. От резких движений его тело пронзила сильная боль. Его лицо сразу же позеленело, а из груди вырвался всхлип. Зажмурившись он надрывно крикнул: - Зверь!

Прошлой ночью Бай Сянсин бесчисленное количество раз проклинал Ши Чжэня, и теперь у него не было психологического давления, чтобы снова выругаться. Этот парень действительно был зверем. Очевидно же, что они завершили связь, и его феромоны немного успокоились, но этот парень всё равно не отпускал его. Откуда у него вообще столько энергии? Неужели нельзя было быть понежнее? Это, вообще-то, был его первый раз.

Погруженный в свои мысли Бай Сянсин не заметил, как и без того бледное лицо Ши Чжэня, мгновенно побелело ещё сильнее, будто вся кровь окончательно отхлынула от него. Он

нахмурил свои острые брови и в отчаянии закрыл глаза. Он открыл рот, словно хотел что-то сказать, но в итоге не произнёс ни слова. Он просто поднял руку, достал из своей пространственной кнопки пистолет, направил дуло себе прямо в сердце и передал рукоятку Бай Сянсину: - Ты можешь это сделать. Я не буду сопротивляться.

Бай Сянсин, который находился в состоянии глубокого стыда и гнева, был прямо таки сбит с толку действиями Ши Чжэня. Он также находился в сложном настроении в этот момент, ясно? Хотя он сам решил прийти прошлой ночью, но в то время его разум был в смятении, и он ни о чём не думал, пока его тело не пришло в движение само по себе. После того, как он вошел в комнату, все развивалось так быстро, что у него даже не было шанса пожалеть об этом, прежде, чем всё случилось.

Но, в отличие от Ши Чжэня, он не потерял рассудок полностью. Если не считать короткого момента потери сознания на пике удовольствия, усиленного смещением их феромонов во время первой связи, всё остальное время он оставался в сознании. Поэтому он отчётливо помнил, как он стонал и извивался под Ши Чжэнем, и какие эмоции он испытывал в тот момент. Если не считать небольшого нежелания и гнева в глубине души, он, казалось, был совсем не против. И этот небольшой гнев был вызван в основном чрезмерно грубыми действиями Ши Чжэня.

Но если уж быть до конца справедливым, даже в этом он не мог винить Ши Чжэня, ведь тот находился в неадекватном состоянии из-за гона, и не мог контролировать свои животные инстинкты... Просто сейчас Бай Сянсин не хотел быть справедливым. Он был взбешён и ему нужно было выплеснуть свои эмоции, но всё же...

- Что ты имеешь в виду?, - спросил Бай Сянсин в смятении. Теперь он был отмечен Ши Чжэнем. Чрезвычайно тесная связь между ними вообще-то на некоторое время сделала его немного неспособным на нападение.

- Прости, хоть я и потерял вчера рассудок, в глубине души я осознавал, что делаю. Я очень сильно желал тебя, поэтому погнался за тобой, так что это всё моя вина. Я заставил тебя, и мне нет прощения, поэтому ты можешь наказать меня, - сказал Ши Чжэнь.

Ши Чжэнь держал глаза закрытыми, поэтому не заметил, как покраснело лицо Бай Сянсина, когда он сказал: «Я очень сильно желал тебя».

- У тебя был гон и ты не мог себя контролировать, и ты всё равно готов позволить мне убить тебя?, - намеренно спросил Бай Сянсин.

- Нет, если бы не ты, я бы так не поступил, - объяснил Ши Чжэнь.

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, что у меня никогда раньше не было гона, и даже если бы он и случился, то я

бы никогда не потерял рассудок настолько, чтобы... изнасиловать... другого омегу. Так что я принудил тебя, потому что очень сильно хотел именно тебя, - уверенно сказал Ши Чжэнь. Он не сомневался в своём самоконтроле. Если бы это был не Бай Сянсин, ничего из того, что произошло вчера, вообще не случилось бы.

Поэтому, Бай Сянсин имел полное право винить его.

Бай Сянсин спокойно смотрел на Ши Чжэня, и его настроение внезапно стало более сложным. Он думал о том, что проснувшись жестоко избьёт Ши Чжэня, чтобы выпустить пар, но этот парень повел себя ещё более экстремально, фактически отдав Бай Сянсину пистолет и позволив ему решить свою судьбу.

И что прикажете ему теперь с этим делать? Конечно же он не собирался убивать Ши Чжэня. Но, если бы он просто отпустил его, Бай Сянсин не был бы удовлетворён, ведь это он пострадал прошлой ночью, хотя и пришёл сам.

«Блядь!»

Бай Сянсин в раздражении ударил кулаком по кровати: «Ши Чжэнь, собачья ты морда, неужели ты не мог просто молча дать мне разквасить тебе нос и поставить пару семитричных «фонарей» под твоими безтыжими глазами? Какого хрена, ты... Ши Чжэнь, ты всё испортил».

В очередной раз мысленно обругав Ши Чжэня, Бай Сянсин осторожно завернулся в простыню и встал с кровати.

Ши Чжэнь слышал, что Бай Сянсин встал с кровати, и по звуку его шагов, понял, что тот медленно приближается к нему. Ши Чжэнь не двигался, продолжая крепко держать пистолет, ожидая, что противник подойдёт и заберёт его. Но Бай Сянсин легко проплыл мимо него, зайдя к нему за спину.

- Ты?, - Ши Чжэнь невольно открыл глаза, но не осмелился обернуться.

Звук открывающейся за ним двери, заставил Ши Чжэня понять, что Бай Сянсин направился в ванную. Пока он размышлял, не одержим ли Бай Сянсин чистотой настолько, что хотел сначала принять душ перед тем, как убить его, позади него раздался голос Бай Сянсина: - Прошлой ночью я вернулся сам... Ты меня не принуждал.

Ши Чжэнь резко обернулся, но его взору предстала лишь картина, захлопнувшейся с грохотом двери. Ши Чжэнь стоял неподвижно, ошеломлённый, его рука, державшая пистолет, непрерывно дрожала, словно он пытался что-то подавить. И только когда из ванной донёсся звук льющейся воды, он пришёл в себя.

Бай Сянсин вернулся сам?

То есть, он не потерял рассудок, и не погнался за Бай Сянсином и не вернул его силой?

Бай Сянсин вернулся сам, значит ли это, что он ему хоть немного не безразличен?

Слова Бай Сянсина, словно порыв ветра, разогнали чёрные тучи в душе Ши Чжэня, позволив солнечному свету хлынуть в глубины его сердца. Ши Чжэнь не смог сдержать улыбку. Он несколько раз пытался взять себя в руки, но выражение его лица, казалось, было неподконтрольным, и он не мог сдержать улыбку. Прошло какое-то время прежде, чем, в конце концов, он расслабился.

Только сейчас он осмелился вспомнить о безумии прошлой ночи. Хотя большую часть времени им владела животная похоть, глубокое удовольствие, пронзившее его до костей, было чем-то, чего он никогда раньше не испытывал. Каждый след на упругой белоснежной коже Бай Сянсина был оставлен им.

«Кстати!»

Подумав об этих синяках, Ши Чжэнь развернулся и ушёл, вернувшись через некоторое время с пятью тюбиками мази от отёков и синяков.

Когда Бай Сянсин вышел из душа завёрнутый в халат, он увидел, что Ши Чжэнь смотрит на него с пятью тюбиками мази в руках.

Бай Сянсин нахмурился. Всё, что он хотел доковыляв до ванной комнаты, это погрузить своё многострадальное тело в горячую ванну, но увы, ванны здесь не оказалось. Как он мог забыть об этом? Поэтому Бай Сянсину пришлось обойтись простым душем, который превратился в очень неприятную процедуру. Многочисленные засосы и укусы дико жгло под горячими струями воды. Больше всех болел самый глубокий укус на задней части его шеи, в области желез. Его поясницу нестерпимо ломило, а ноги ныли... Но хуже всего ощущало себя то самое сокровенное местечко... Все это ещё больше усилило и без того сильное раздражение Бай Сянсина. Да, он был очень раздражён. В конце концов, хоть он и стал омегой физиологически, но никогда до конца не ощущал себя таковым. И уж тем более он никогда не думал, что будет так самозабвенно наслаждаться, когда другой альфа будет трахать его. Именно это бесило его больше всего во всей этой ситуации. И кроме всего прочего, ему так и не дали выпустить свое раздражение... Хотя может быть это и к лучшему. Ведь сильное раздражение сейчас полностью перекрывало другие эмоции в его душе. Эмоции, которых он не понимал, и на самом деле не хотел понимать... Не сейчас. Поэтому было бы лучше пока убрать главный раздражитель с глаз долой. Но нет, вот он, стоит здесь бодрячком, в то время как он, по его милости, чувствует себя полной развалиной.

«Балван, неужели ты вообще не можешь проявить хоть каплю такта, и предоставить мне личное пространство!»

- Почему ты всё ещё здесь?, - сердито спросил Бай Сянсин.

- Я... я принёс тебе мазь, - сказал Ши Чжэнь, показав пять тюбиков мази, которые держал в руках.

- Разве ты не дал мне её вчера?

- Одного недостаточно. Всё твоё тело..., - голос Ши Чжэня дрогнул под убийственным взглядом Бай Сянсина.

- Проваливай, - выплюнул сквозь стиснутые зубы Бай Сянсин.

Ши Чжэнь понял, что Бай Сянсин злится. И хотя он очень хотел помочь Бай Сянсину нанести мазь, потому что беспокоился, что тот не сможет дотянуться до своей спины, но в тот момент он не осмелился сказать больше и молча оставил мазь на столе.

Бай Сянсин очень хотел подойти, схватить эти мази и швырнуть их в лицо Ши Чжэню, но у него просто не было на это сил.

Когда Ши Чжэнь тихо направился к двери, он вспомнил, что не объяснил Бай Сянсину ещё одну вещь: - Я не стал помогать тебе помыться не потому, что не хотел, а потому, что боялся, что ты разозлишься, если я коснусь тебя без разрешения, будучи уже в трезвом состоянии. Прости меня за это.

- Да свали ты уже!!

Ши Чжэнь не осмелился больше медлить, и открыв дверь с ловкостью присущей воину S-класса, быстро покинул комнату.

Бай Сянсин с трудом мог поверить в то, что только что услышал. Ши Чжэнь, что прочитал его мысли? Или он ранее случайно произнёс свою жалобу вслух? Если это было последнее, то ему очень захотелось сейчас найти в земле дыру и зарыться в неё.

«Как стыдно».

Выйдя из комнаты Бай Сянсина, Ши Чжэнь не почувствовал тревоги из-за его гнева. Вместо этого он подумал, что гнев Бай Сянсина - это хорошо. Он был таким же, как обычно, гордым и энергичным.

Но почему он разозлился в конце?

Сейчас он сказал это Бай Сянсину, потому что вспомнил один случай произошедший, когда ещё они учились в школе. На уроке полового воспитания учитель сказал, что альфы должны быть особенно внимательны к своим омегам после полового акта. Они должны были позаботиться об хрупкой омеге, вплоть до того, чтобы помочь ей принять ванну. На что Бай Сянсин презрительно фыркнул и сказал: - Разве это не само собой разумеется. Общеизвестный факт, что физически - омеги слабее, и после секса, у них наверняка совсем не будет сил. Естественно, альфа будет обязан позаботиться об её нуждах. Альфа, который получив удовольствие не заботиться о своей омеге - просто подонок!

Ши Чжэнь не хотел быть подонком-альфой и не хотел, чтобы Бай Сянсин считал его таковым, поэтому он и объяснился.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14568/1290891>